Труд.— 1990 — 28 ноябр

...ДУШИ СПАСЕНЬЕ, ПОТРЯСЕНЬЕ!

110 лет со дня рождения А. А. Блока

Есть национальные святыни—
К ним любовь народная не стынет...
Скажешь:
— Пушкин!
Выдохнешь: Есенин!..
Блок...
Души спасенье, потрясенье!

Это из моих ранних стихов. А еще вспоминаются строчки поэтессы Галины Гампер:

Нам до Бога — как до Блока,
А не худо бы дойти.

Обращает на себя внимание удивительная инверсия: до высшего существа — как до поэта. Не наоборот!

Судьба Александра Блока до отчаяния, до боли в сердце потрясает тем, что даже и к своим гениям, к своим путеводным звездам жизнь и общество бывают удивительно, до жестокости равнодушны. Когда я читаю великих поэтов, каждый раз ловлю себя на странном желании: вылечить Пушкина, утешить Лермонтова и спасти от роковой дуэли, уберечь Есенина, не дать уйти из жизни Маяковскому. История подробно и точно восстановит, если уже не восстановила, картину последних дней Блока, разберется в спорности и бесспорности разных точек зрения. Одно ясно: Блок трагически рано ушел из жизни, и это не подлежащая оправданию несправедливость...

Среди имен воистину великой русской поэзии трудно выделить единственное, трудно обосновать, почему то, а не другое имя. Блока еще в очень юные годы я для себя выделила как единственного и лучшего по безрассудной и не поддающейся анализу любви. С годами эмоции человека притупляются, утихают, но свежесть любви к Блоку — подарок судьбы, мой вызов годам. Блок, пожалуй, единственный поэт, чьи стихи я не знаю наизусть, за исключением отдельных строк. Они не укладываются в мое сознание как иные логические стихотворные схемы. Тайна Блока так и остается тайной. Я не знаю, как он это делал и каждый раз читаю его, как в первый раз. Может быть, он сам обозначил контуры этой тайны строчками: «Ведь я — сочинитель, человек, называющий все по имени, отнимающий аромат у живого цветка». Но его стихи благоухают, в них бьется сердце. Ибо он просто поэт—и слово это здесь не нуждается в эпитетах, хотя снисходительно допускаю, что литературоведы поставят применительно к Блоку ряд замечательных прилагательных типа «великий», «гениальный». Он для меня слишком живой, существующий в ткани моей собственной жизни, помогающий любить жизнь и смириться со смертью. Дыхание его стихов регулирует мое настроение и окрашивает дни романтикой, надеждой, восхищением Родиной и русским словом.

Есть особенно любимые стихи: «На поле Куликовом», «Скифы», «О доблестях, о подвигах, о славе», «Поэт», «О весна без конца и без краю», «Ты помнишь, в нашей бухте сонной», «В дюнах»... Особенно значительны стихи Блока, которые формируют национальное чувство. Блоковская Русь, «Россия, нищая Россия», которая у поэта — «как слезы первые любви» — страна тьмы и горя, и летящего из их бездны света — она и сегодня такая: мечущаяся, ищущая свой путь, живущая в ночи перед рассветом, вынужденная доверить разного рода негодяйству свою разбойную и горькую судьбу и всеми силами сопротивляющаяся этому... Она и сейчас еще не состоялась по-настоящему и вызывает у одних злобу, у других— раздирающую боль любви, а у кого-то желание все бросить и перекочевать в иные, более спокойные миры. Но Блок сказал: «Пусть ночь. Домчимся...»

Я бы из-за одного Блока, из-за родного языка, воплотившегося в его стихах, никогда бы не покинула эту землю, что бы с ней ни происходило. Сейчас Блока надо перечитывать, осмысливать заново, и он откроет нам правду нашей собственной, запутанной жизни.

Одна из таких кровоточащих болевых точек нашего бытия — революция 17-го года. Поэма Блока «Двенадцать» всегда официально преподносилась как гимн ей. Теперь в сознании все четче мерцает новое восприятие поэмы. Формальная героика («революцьонный держите шаг, неугомонный не дремлет враг...») перемежается картинами разрухи, бандитизма, голода и раздирающей рот скуки. Символические рабочий и буржуй сталкиваются в своей непримиримости в каком-то картонном, мультипликационном воплощении. А реально — нищие, голодные, обезумевшие от ненависти люди шагают строем, чтобы убивать и разрушать без разбора, оплевывая все — от попа до гулящей девки. Носители новой идеи, нового мира, как пишет Блок, таковы: «Ко всему готовы. Ничего не жаль». Христос, идущий впереди, с кровавым, а не просто с красным, флагом, в венце из белых роз, говорящих о чистоте и обреченной на прощение жертве... Что это? Может быть, понимание неизбежности того, что, как писал Шандор Петефи, «народ суров, когда, восстав, не просит, а берет»? Да, народ не спрашивает разрешения на революцию, но поэма «Двенадцать» скорее не гимн этому взрыву гнева и уличного жизнетворчества доведенных до отчаяния людей. Это — зрелое и горькое понимание грязи и подлости бытия, неотвратимости страданий и жертв. Это вера в искупление неправедно совершенного, в грядущий за снежной метелью добрый мир...

Не знаю, так ли, как надо, прочитываю и понимаю я Блока. Может быть, настоящее понимание еще впереди, но он есть у меня, у народа, у страны. А годы — роковые, и счастье, что он есть.

Римма КАЗАКОВА.
Рисунок Э. ЯРОВА.